

М. П. Жигалова, доктор педагогических наук (РФ), действительный член АПСН РФ, профессор Брестского государственного технического университета, заслуженный учитель Беларуси

Материалы к факультативным занятиям по русской литературе в XI классе

Основным видом учебной деятельности на факультативных занятиях является самостоятельная работа учащихся, связанная не только с чтением и последующей интерпретацией и анализом художественных произведений, но и с привлечением прижизненных и современных критических источников, дневников писателя, писем и т. д.

Например, в рамках факультативного курса «Русские поэты-эмигранты XX столетия» ученики самостоятельно могут провести исследование на тему: «Немецкая и польская культура в судьбе и творчестве русских поэтов-эмигрантов (на примере творчества М. Цветаевой и З. Гиппиус)», в ходе выполнения которого школьники будут опираться на критические источники [3; 4], дневниковые записи, письма; анализировать иноязычные элементы в творчестве поэтесс, чтобы понять, как М. Цветаева и З. Гиппиус вживались в ментальность других культур и познавали их.

Марина Цветаева

Марина Ивановна Цветаева родилась и воспитывалась в культурной семье. Отец, Иван Владимирович Цветаев, профессор Московского университета, вошёл в историю русской культуры как основатель Музея изящных искусств имени А. С. Пушкина. Мать, Мария Александровна Мейн, происходила из польско-немецкой семьи. Дед по матери, Александр Мейн, был из остзейских немцев, бабушка — Мария Бернацкая, была полькой. Именно от неё, по мнению М. Цветаевой, она унаследовала «жестокий мятеж» души. Будущая поэтесса с детства познавала и русскую, и польскую, и немецкую культуры. Мать много рассказывала детям о Герма-

нии, читала немецкие старинные сказки, легенды, играла на фортепьяно пьесы польских композиторов. Любовь матери к Германии и Польше передалась и детям. Марина с удовольствием изучала польский, немецкий и французский языки, которые открывали ей новые пути в мир книг и помогали постигать свой собственный духовный мир. Позже всё это нашло отражение и в её стихах.

В творчестве М. Цветаевой есть произведения, которые содержат иноязычные элементы, которые играют особую роль в постижении поэтессой чужих, но в то же время близких ей немецкой и польской культур. «Во мне много душ. Но главная моя душа — германская», — писала она [8, с. 51]. Погружение в культуру Германии происходило постепенно: сначала через общение с матерью, потом через реальное знакомство с нею, наконец, через знакомство с её лучшими представителями, с которыми М. Цветаева встречалась в Берлине и вела переписку. Поэтому среди её стихотворений особое место занимают произведения, посвящённые Германии: «Германии», «В Люксембургском саду», «Оба луча», «Новогоднее», поэма «Царь-Девица», рассказ «Башня в плюще», «Шарлоттенбург» и др.

В исследовательской работе учащиеся могут обратиться к двум стихотворениям М. Цветаевой: «Германии» и «Бабушке» [7].

Стихотворение «Германии» было написано в 1914 году. Шла война России с Германией. Марина остро чувствует гибель всего, что ей дорого, без чего она уже не представляет свою жизнь. В почёте стихи патриотические. М. Цветаева читает оду Германии, она клянётся в любви этой стране. И это неслучайно. С детства, осознав смешение многих

кровей — русской, польской, немецкой, — в ней самой, она несла гордое презрение к любым видам национализма и шовинизма. Кроме того, «Травля» Германии в русской печати означала для М. Цветаевой не только нападки на кровно близкое начало, но, прежде всего, — отвержение общеевропейской культуры, с чем она согласиться, разумеется, не могла.

Уже в первой строке стихотворения звучит обеспокоенность судьбой Германии.

Ты миру отдана на травлю,
И счёта нет твоим врагам!
Ну, как же я тебя оставлю.
Ну, как же я тебя предам?

Вместе с тем лирическая героиня Цветаевой уверена, что её любовь к Германии не должна сопровождаться мстостью к её врагам, так как «за око — око, кровь — за кровь!» — это удел слабых. Она же считает себя сильной. Любить то, что все осуждают, что отдано на травлю миру, а значит, незащищено, вдвойне тяжело и часто даже опасно. Поэтесса реально оценивает достоинства и недостатки Германии, и её любовь к этой стране соединяет в себе не только слепое поклонение, но и критическую оценку действительности. Лирическая героиня не может отвергнуть «мой столь гонимый Vaterland», так как уверена — Германия достойна любви, так как ей есть чем гордиться: культурой (незабываемый «Фауст» Гёте, Швабские ворота, песни), создавшим её народом с его педантизмом и мудростью жизни, богатой историей, красивейшей природой (вечный Рейн). Неудивительно, что М. Цветаева наделяет Германию такими «тёплыми» эпитетами, как «благоуханный край», «германская звезда», «волшебный край», «премудрый край» и др., свидетельствующими о неподдельном и искреннем чувстве. Любовь лирической героини к Германии настолько сильна, что, будучи в восторге от песенок, она не слышит «лейтенантских шпор», «её не душит злоба на Кайзера взлетевший ус». Её любовь — чувство постоянное, потому что «любить наполовину» она не научена. Может быть, поэтому клятва М. Цветаевой («Когда в влюблённости до гроба / Тебе, Германия, клянусь») звучит как гимн Германии, этому «волшебному», «премудрому», «благоуханному» краю, где «чешет золотые кудри / Над вечным Рейном — Лорелей».

Первая и последняя фразы составляют композиционное кольцо: несмотря на то что

«ты миру отдана на травлю, / И счёта нет твоим врагам!» всё равно лирическая героиня уверена, что Германия будет вечно, как вечен Рейн с его Лорелейей, изысканной красавицей, чьей красотой во все времена восхищались люди.

Богатая лексика стихотворения (разговорная: «ну, как же», «до гроба клянусь»; чередуется с возвышенной: «всегда мне свят...», «святой Георгий», «благоразумье» и др.) свидетельствует о важности истины жизни: человек должен знать сущность возвышенного и земного, понимать их единство. Не познав до конца земное, нельзя прикоснуться и к возвышенному, вечному.

Лирическая героиня в глубоком философском раздумье: она ставит перед собой вопросы, на которые, не задумываясь, даёт ответ. Как рефрен звучат вопросительные предложения: «Ну, как же я тебя оставлю? / Ну, как же я тебя предам?», «Ну, как же я тебя отвергну?», «Ну, как же я тебя покину?» Всего этого сделать (ни оставить, ни предать, ни покинуть, ни отвергнуть) лирическая героиня не в силах, так как она очень любит Германию, да и сама она — честный человек и настоящий патриот, преданный «гонимому Vaterland» навеки. Поэтому вопросы-сомнения утвердительны: «Я — остаюсь». Остаюсь здесь, хотя и понимаю, что здесь тоже не всё так безоблачно и легко. Остаюсь здесь, потому что это родина моих предков. Остаюсь здесь, потому что люблю этот «волшебный, премудрый, благоуханный край». Остаюсь, потому что жизни без Германии не мыслю. Остаюсь, потому что своей этнической родине я не нужна.

Ключевые и доминантные слова в каждой строфе лишь усиливают чувство верности и преданности Германии: «возьму благоразумье», «безумье», «любовь», «не душит злоба», «влюблённость до гроба», «клянусь». Топонимы и антропонимы (Германия, Кёнигсберг, во Фрейбурге, Рейн, Кант, Георгий, Кайзер, Лорелей, Гёте и др.) не только конкретизируют пространственно-временные рамки, но и говорят о значимости тех вечных человеческих ценностей, какими определяется сущность любого государства: философия жизни в нём («Кант»), вера («святой Георгий»), власть («Кайзер») и красота («Гёте, Лорелей»). Эти составляющие, как барометр, определяют и сегодня нравственность, мораль, а значит, и прочность любого

государства, как впрочем, и отношение к нему соотечественников, по воле судьбы живущих в разных странах мира.

Не менее значимо в контексте обозначенной темы и написанное по-русски её стихотворение «Бабушке». Его понимание немислимо вне контекста польской культуры. Лексическим воплощением взаимодополняемости, нерасчленённости русского и польского в этом произведении служит образ бабушки-польки.

Сестра М. Цветаевой Анастасия вспоминает: «В комнате матери висел портрет бабушки, красавицы-польки Марии Лукиничны Бернацкой, умершей очень рано — в двадцать семь лет. Увеличенная фотография — тёмноокая, с тяжёлыми веками, печальное лицо с точно кистью проведёнными бровями, правильными, милыми чертами, добрым, горечью тронутым ртом». Такой притягательной тайной была для Марины её бабушка. Описание в стихотворении портрета и черт характера бабушки говорят о силе духа, о её строгости и серьёзности, холодной красоте, гордости и способности за себя постоять. М. Цветаева неоднократно подчёркивает своё уважение к родному человеку, используя слово «бабушка». Она испытывает чувство гордости за её принадлежность, а значит и свою, к польской нации.

«Вальс Шопена», «залы дворца», «чёрного платья раструбы», «локоны, в виде спирали», «продолговатый и твёрдый овал лица» — всё говорит об особенностях характера двадцатилетней бабушки-польки:

Сколько возможностей вы унесли,
И невозможностей — сколько? —
И ненасытную прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

Описание вальса Шопена, игры на фортепиано, передача национальных черт характера польки («твёрдый овал», «надменные губы», «прекрасные локоны», «прямой и взыскательный взгляд», «готовый к обороне взгляд» и др.) — всё это даёт возможность воспринимать образ и черты этнического характера в контексте общечеловеческой культуры, помещая тем самым его в контекст мировой.

Как видно, в поэзии М. Цветаевой отразились не только элементы родной культуры, но и других культур. Они выражены и через её понимание этнической культуры, и через конкретные иноязычные элементы.

В результате синтеза языковых и культурных систем в сознании и творчестве М. Цветаевой кристаллизуется своего рода «интеркультура», которая является одновременно продуктом взаимодействия этих систем и их структурным отображением, спроецированным на индивидуальную карту мира автора. Интерязык и интеркультура, проявляющиеся во всём творчестве поэтессы, служат, главным образом, проводником темы изгнания. Вслед за И. Бродским хочется повторить формулу, так соответствующую стилю жизни поэтессы: «На то она и судьба, чтобы понимать на всяком наречье» [5].

Зинаида Гиппиус

Немецкую и польскую культуру, как впрочем, и французскую, постигала и Зинаида Николаевна Гиппиус, поэтесса, прозаик, драматург, «декадентская мадонна», как её часто называли. Родилась она в 1865 году в г. Белёве, что на Черниговщине, в семье государственного чиновника. У неё были также немецкие корни. Предок её отца, немец Адольфус фон Гингст, изменил фамилию на фон Гиппиус. В своей автобиографии поэтесса пишет: «Семья Гиппиус ведёт своё начало от немца Адольфуса фон Гингста, переименовавшего фамилию на фон Гиппиус и переселившегося в Россию из Макленбурга» [1, с. 246].

Очень красивая от природы: высокая и гибкая, тонкая, с большими зелёными глазами, золотыми косами, с постоянной улыбкой на лице, Зинаида всегда была в центре внимания. К ней тянулись и одновременно боялись её острого языка, колких фраз и смелых шуток. Недаром современники называли её «сатанесса», «реальная ведьма», «декадентская мадонна». На протяжении всей своей жизни она стремилась к неизвестному, чтобы понять его. Своё кредо поэтесса выразила в словах: «Люблю недостижимое, // Чего, быть может, нет...»

Октябрьскую революцию 1917 года З. Гиппиус встретила крайне враждебно. Ещё в октябре 1905 года в письме к Д. Философову, публицисту, критику, политическому деятелю, она, размышляя о судьбе России после возможной победы революции, писала: «...весь путь их и вся эта картина так мною неприемлема, противна, отвратительна, страшна, что коснуться к ней ... равносильно для меня

было бы предательству...» [1, с. 249]. Поэтесса не верила в то, что после революции произойдут позитивные изменения. Вот что она записала в своём дневнике 26 июля 1917 года: «Несчастливая страна. Бог, действительно, наказал её: отнял разум. И куда мы едем? Только ли в голод?.. Какие перспективы!» [1, с. 3].

24 декабря 1919 года З. Гиппиус с мужем Д. Мережковским навсегда уезжает из России сначала в Польшу, а затем во Францию. Трое суток пути до Бобруйска были сплошным бредом: «Налёты чрезвычайки, допросы, обыски, аресты, пьянство, песни, ругань, споры, почти драки из-за мест, духота, тьма, вонь, ощущение ползающих по телу насекомых...», — вот как в своих дневниках она описывает путь за границу [1, с. 246].

Следует отметить, что по дороге З. Гиппиус и Д. Мережковский общались с представителями русской эмиграции в Минске и Варшаве. В Минске, куда они первоначально попали, они читали лекции, писали политические статьи в газете «Минский курьер», а в середине февраля 1920 года в сопровождении Д. Филофова и В. Злобина, русского поэта и критика, более известного как хранителя архивов З. Гиппиус и Д. Мережковского, переехали в Варшаву. Поселились в «Краковской гостинице». Здесь они принимали польских графов и епископов, членов Русского комитета, послов, консулов, репортёров и журналистов. В Варшаве их жизнь наполнилась смыслом существования, борьбой за свободу России, о чём поэтесса напишет в «Варшавском дневнике» [2].

В Варшаве З. Гиппиус устроилась редактором литературного отдела в газете «Свобода». Однако поэтесса быстро разочаровалась в газете «Свобода», где её, как она говорила, лишили какой бы то ни было свободы.

Из Парижа приезжает В. Савинков, один из лидеров партии эсеров, чтобы совместно продолжить работу против большевизма. С З. Гиппиус его связывала многолетняя дружба. Более того, она редактировала его роман «Конь бледный» и содействовала его публикации в России в журнале «Русская мысль». История взаимоотношений З. Гиппиус, Д. Филофова и В. Савинкова рассказана в её дневнике «Коричневая тетрадь» (Возрождение, 1970, № 221), являющемся эпилогом трёх ранних дневников: «Дневник любовных

историй», «О Бывшем» (Возрождение, 1970, № 217—220) и «Варшавский дневник» (Возрождение, 1969, № 214—216).

З. Гиппиус и Д. Мережковский начали писать работу о Пилсудском, в котором они видели избранника божьего для служения человечеству и для избавления всего мира от гибели, связанной с нашествием «безнравственного большевизма» [2, с. 15]. Поэтесса видела и воспринимала Польшу как страну «потенциальной всеобщности», которая поможет положить конец вражде разъединённых наций: преодолев долголетнюю взаимную ненависть, Польша и Россия перед лицом общей опасности большевизма должны создать союз братских народов. В июле 1920 года после заявления правительства Пилсудского, что Польша воюет не против русского народа и России, а против большевизма, З. Гиппиус, Д. Мережковский и Д. Филофов написали воззвание к русской эмиграции и к русским в России по поводу союза с Польшей. Однако когда в октябре 1920 года Польша подписала перемирие с Россией, поэтесса стала критически относиться к Пилсудскому, правительство которого официально объявило, что русским людям в Польше воспрещается критиковать власть большевиков под угрозой высылки из страны. Убедившись, что «русскому делу» в Варшаве положен конец, 20 октября 1920 года З. Гиппиус и Д. Мережковский выехали в Париж.

Всё эмигрантское творчество З. Гиппиус состоит из стихотворений, воспоминаний, немногочисленных литературно-критических статей и публицистики. Первые стихи были написаны ещё в России и примыкали к «Петербургскому дневнику», вернее, составляли его часть, и преимущественно были опубликованы в журнале «Русская мысль». Часть стихотворений вошли в томик «Стихи», изданный в 1921 году в Берлине. Большинство поэтических произведений З. Гиппиус относит к философской лирике, некоторая их часть — к политической сатире. «Типичным образчиком последней было стихотворение “Рай”, в котором для игры рифмами были использованы разные советские словообразования — предмет неизменной насмешки поэтессы в её “Петербургском дневнике” — и рассказывалось, как поэт искал в различных “комбедах” и “нарводпродвучах”» [6,

Факультативные занятия

Эс. 98—99] продукты, без которых и дня не мог прожить в советском раю:

И я ходил в петрокомпроды,
Хвостился днями у крыльца в райком...
Но и восьмушки не нашёл — свободы
Из райских учреждений ни в одном.
Не выжить мне, я чувствую, я знаю,
Без пищи человеческой в раю:
Все карточки от Рая открепляю
И в нарпродком с почтеньем отдаю.

Со временем в эмиграции З. Гиппиус отошла от политических тем и вернулась к темам вечным, к той тройной теме, которую она сама определила в одном из своих стихотворений как единственную, о которой говорят поэты: «О Человеке. Любви. И Смерти». Поэтесса понимает любовь как воскрешение личности, «слияние её с Божественным началом и преодоление смерти. Любовь к Богу через любимого человека при абсолютном равенстве обоих любящих» [1, с. 3]. Иначе она не мыслила себе плотской любви. Отказываясь от аскетизма, З. Гиппиус утверждала (и в дневниках, и в ранних рассказах), что только в любви можно осуществить смысл и значение человеческого бытия. В своём дневнике она запишет: «Люблю себя, как Бога», «Хочу того, чего нет на свете» [2, с. 35].

Её поэтическое наследие вмещается в пяти сборниках: «Собрание стихов. 1889—1903»

(1904), «Собрание стихов. Книга вторая. 1903—1909» (1910), «Последние стихи. 1914—1918» (1918), «Стихи. Дневник. 1911—1921» (Берлин, 1922), «Сияния» (Париж, 1938).

Тематика её стихов разнообразна. Некоторые из них она посвятила любви. Одно из ранних — «Любовь одна» (1896) — было переведено на немецкий язык Р. М. Рильке.

Продолжает настойчиво и неотступно в её поэзии звучать и тема России, но уже в более высоком плане. Характерное её преломление можно увидеть в стихотворении «Неотступное». Оно вошло в книгу «Сияния» (Париж, 1938), которая, несомненно, останется в русской поэзии как свидетельство того, что поэтический талант З. Гиппиус не только не иссяк, но, скорее, обновился в эмиграции. Останутся в русской литературе и два тома воспоминаний, главным образом литературных, в форме очерков о современниках, под названием «Живые лица» (Прага, 1925).

Так, опираясь на дневники поэтов, исследования русских, польских и немецких учёных, учащиеся смогут самостоятельно провести исследование. В ходе его выполнения они должны прийти к выводу, что познание немецкой и польской культур помогало русским поэтам-эмигрантам вживаться в ментальность этих народов и постигать их традиции и характеры, а вместе с этим окружающий мир и себя.

Список использованных источников

1. *Гиппиус, З.* Собр. соч. в 10 т. / З. Гиппиус. — М. : Русская книга, 2003. — Т 8. Дневники: 1893—1919. Царство Антихриста. — 576 с.
2. *Гиппиус, З.* Собр. соч. в 10 т. / З. Гиппиус. — М. : Русская книга, 2003. — Т 9. Дневники: 1919—1941. Варшавский дневник. — 576 с.
3. *Жигалова, М. П.* Германия в судьбе и творчестве русских поэтов-эмигрантов XX века. Интерпретация и анализ: теория и методика : монография. — Берлин: LAP LAMBERT Academic Publishing, , 2011. — 305 с.
4. *Жигалова, М. П.* Этновитальность и мультикультурность в литературе: интерпретация и анализ: монография. — Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. — 305 с.
5. *Клотц, Я.* Для поэта нет родней языка: о «всезычии» в поэзии Цветаевой и Бродского / Я. Клотц // Russian Literature in Europe. Fedor B. Poljakov (Vienna) ; Vol. 3. — Peterland internationaler Verlag der Wissenschaften. — Frankfurt am Mein, 2008. — 562 с.
6. *Струве, Г. П.* Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора русской литературы / Г. П. Струве. — Нью-Йорк, 1956.
7. *Цветаева, М.* Соч. в 7 т. / М. Цветаева. — М., 1994.
8. *Швейцер, В. А.* Быт и бытие Марины Цветаевой / В. А. Швейцер. — М., 1992.